

Троцкий ЛД
Мировая ре-
волюция и
IV конгресс
Коминтерна.

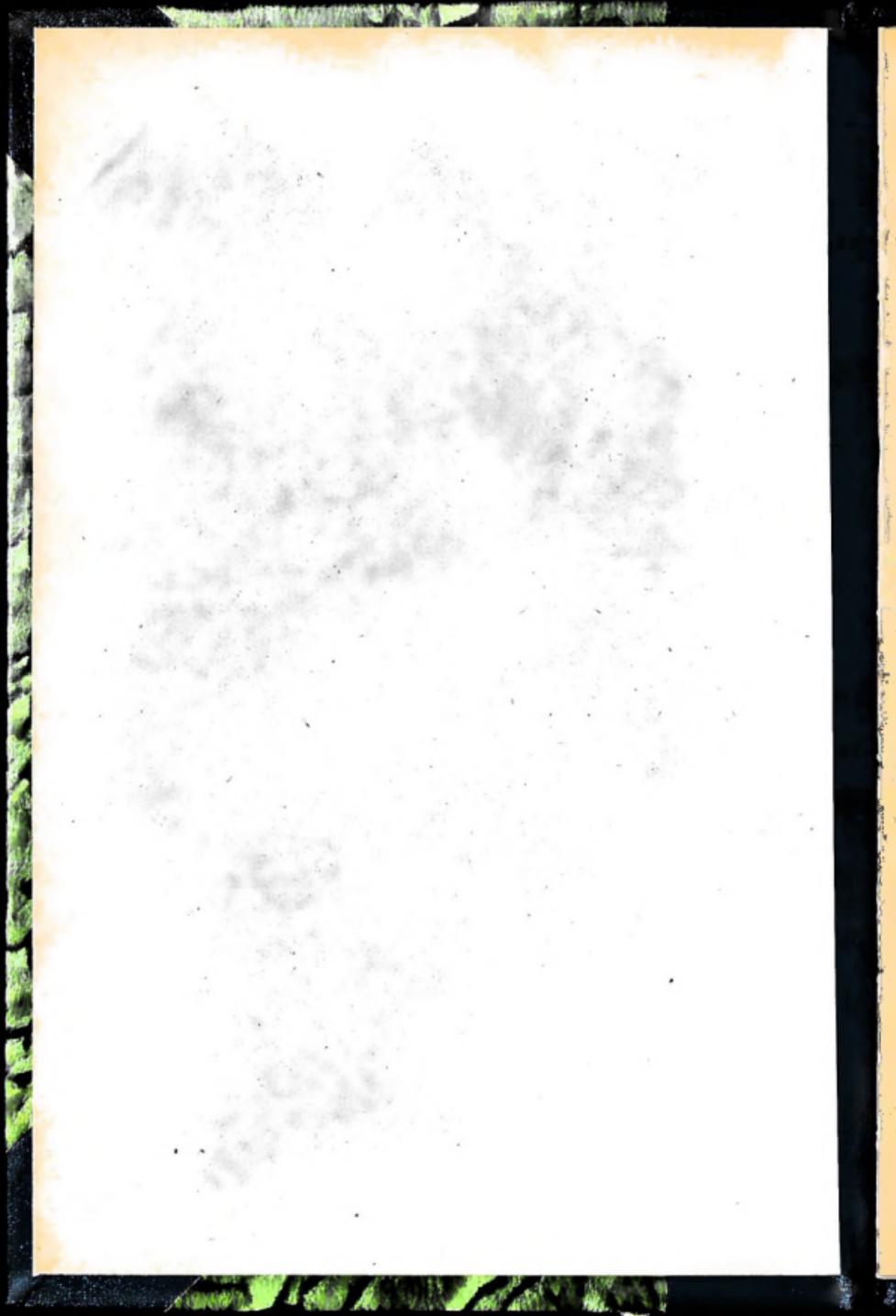
М. 1922,

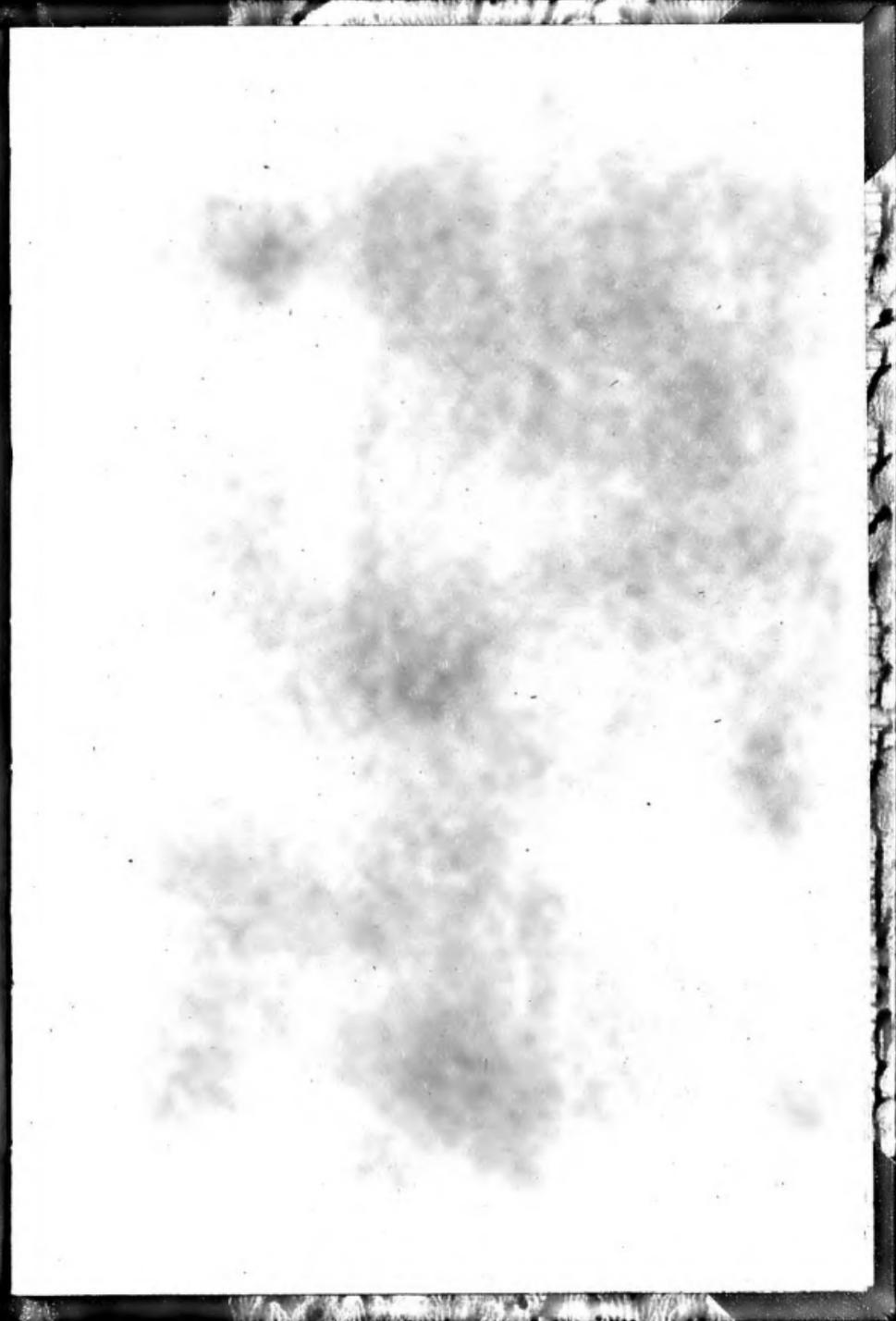
ИМЛ — Библиотека

ЕН 141

М 612

Зак. 132

Л. ТРОЦКИЙ.

X

ЕЧ 171

М 612

МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
И
IV КОНГРЕСС КОМИНТЕРНА.

Издание ВЦИК.
Москва — Кремль.

2-й экз.

Главант. № 5114. Москва.

Напеч. 20.000 экз.

«Месполнграф». 1-я Образцовая типография, Пятницкая, 71.

ЕН 171
M 612

(К)

1068843
3041

2905
361

Доклад тов. Троцкого на заседании коммунистической фракции X съезда советов с участием беспартийных делегатов.

(28 декабря 1922 года.)

Товарищи, вы предложили мне сделать доклад о последнем конгрессе Коммунистического Интернационала. Я понимаю это в том смысле, что вы не желали бы иметь фактическое изложение хода работ последнего конгресса, так как в этом последнем случае было бы более целесообразно взять в руки стенограмму, которая уже отпечатана в виде бюллетеней стенографического отчета, чем заслушивать доклад. Свою задачу я понимаю в том смысле, что я должен попытаться дать вам оценку общего положения революционного движения и его перспектив с точки зрения тех фактов и вопросов, которые развернулись перед нами на IV Конгрессе.

Разумеется, это предполагает большее или меньшее фактическое знакомство с состоянием международного революционного движения. Замечу в скобках, что наша пресса, к сожалению, далеко не делает всего того, что должна была бы делать для того, чтобы факты международного рабочего и, в особенности, коммунистического движения были нам, по крайней мере, так же близко, знакомы, как, скажем, факты нашего хозяйства, нашего советского строительства. А эти явления для нас равноценны. Со своей стороны, я не раз пытался партизанским путем (вопреки своим обычаям) добиваться от нашей прессы, чтобы она использовала те исключительные возможности, которые мы имеем, для того, чтобы наша партия могла изо дня в день без поучений, наставлений, обобщений (ибо обобщения нужны нам время от времени), а просто на основании фактов, материалов из внутренней жизни коммунистической партии вообще, незаметным образом составлять совершенно конкретное и точное представление о том, что делается в области революционной борьбы.

Я думаю, что с этой стороны необходим нажим партийного общественного мнения на нашу прессу, редакции которой сами иностранные газеты почитывают, на основании этих газет от времени до времени обобщения преподносят, но фактического материала почти не дают. Но так как я здесь имею фракцию съезда советов, стало быть, квалифицированные партийные элементы, то для своего доклада предполагаю, повторяю, в общем и целом знакомство с фактическим состоянием коммунистических партий и других партий, еще имеющих влияние в рабочем движении. Моя задача: проверить наши общие критерии, наши взгляды на условия и темп развития пролетарской революции

под углом зрения новых фактов и, в частности, тех фактов, какие дал последний IV конгресс Коминтерна.

Т. т., я с самого начала скажу, что мы, если не хотим запутаться и потерять перспективу, должны при оценке рабочего движения и его революционных возможностей помнить, что существуют 3 большие, хотя и связанные друг с другом, но отличающиеся глубоко одна от другой, области. Это Европа—раз, Америка—два, колониальные страны, т.-е. прежде всего Азия и Африка—три. Необходимость обозреть мировое рабочее движение по этим трем областям вытекает из существа наших революционных критериев. Марксизм учит нас, что для того, чтобы стала возможной пролетарская революция, необходима наличность, схематически говоря, трех предпосылок или условий. Во-первых, условия производственного характера. Нужно, чтобы техника производства достигла такой высоты, при которой замена капитализма социализмом представляла бы хозяйственные выгоды. Нужно, во-вторых, чтобы был в наличности класс, который заинтересован в этой замене и который достаточно силен, т.-е. многочислен и играет достаточно важную хозяйственную роль, чтобы эту замену произвести. Речь идет, разумеется, о пролетариате. И, в третьих, этот класс должен быть готов произвести революцию. Он должен—хотеть ее произвести и он должен быть достаточно организован и сознателен, чтобы уметь ее произвести. Мы здесь переходим в область так называемых субъективных условий и предпосылок пролетарской революции. Если с этими тремя критериями—производственно-техническим, социально-классовым и субъективно-политическим, мы пойдем к трем мною указанным областям, то различие их между собой бросается в глаза. Правда, мы раньше вопрос о подготовленности человечества с точки зрения производственно-технической к социализму рассматривали более абстрактно, чем рассматриваем сейчас. Если вы посмотрите наши старые книжки, даже те, которые не устарели, то вы найдете в них совершенно справедливое указание, что капитализм пережил себя уже 15 и 20, и 25, и 30 лет тому назад.

В каком смысле мы это понимали? В том смысле, что уже 25 лет тому назад, и более того, замена капиталистического способа производства социалистическим представляла бы объективные хозяйственные выгоды, т.-е. человечество производило бы при социализме больше, чем при капитализме. Но 25—30 лет тому назад это не означало еще, что при капитализме производственные силы больше не сп с б ы к развитию. Мы знаем, что во всем мире, в том числе и в Европе, и особенно в Европе, которая играла до сравнительно недавнего времени руководящую мировую хозяйственную и финансовую роль, производительные силы развивались. И теперь мы можем указать год, до которого они развивались, в Европе: до 1913 года. Значит, до этого года капитализм представлял не абсолютное, а относительное препятствие к развитию производительных сил. Европа в техническом смысле развивалась с 1894 до 1913 года с небывалой быстротой и мощью, т.-е. Европа хозяйственно обогащалась в течение 20 лет, которые предшествовали империалистической войне. С 1913 года, мы можем это сказать с полной уверенностью, развитие капитализма, его производительных сил было приостановлено за год до вспышки войны тем, что производительные силы уперлись в рамки, какие им ставит капиталистическая собственность и форма присвоения. Рынок был поделен, конкуренция напряглась до высшей точки и дальше капиталистические страны могли только пытаться устранять друг друга с рынка механи-

ческим путем. Не война поставила точку в развитии производительных сил Европы, а война возникла из невозможности производительным силам развиваться в Европе при условиях капиталистического хозяйства. 1913 год был великим поворотным пунктом в развитии европейского хозяйства. Война только углубила и обострила этот кризис, который вытекал из факта абсолютной невозможности дальнейшего хозяйствования в условиях капитализма. Это относится целиком к Европе; стало быть, если до 1913 г. мы условно были правы, когда говорили, что социализм выгоднее капитализма, то с 1913 г. капитализм для Европы уже означает абсолютный застой и распад, а социализм единственное хозяйственное спасение. В этом уточнение в отношении первой предпосылки.

Вторая предпосылка: рабочий класс. Он должен быть достаточно могущественен в хозяйственном смысле, чтобы иметь возможность овладеть властью и перестроить общество. Есть ли на лицо этот факт? После опыта нашей российской революции нет возможности поднимать этот вопрос, если у нас, в отсталой стране, октябрьская революция стала возможной. Но мы научились за последние годы в международном масштабе несколько по новому, более точно и конкретно оценивать социальную мощь пролетариата. Те наивные лжемарксистские воззрения, которые требовали, чтобы пролетариат составлял 75 или 90% населения прежде, чем браться за власть,—они кажутся сейчас абсолютно ребяческими. Даже в тех странах, где крестьянство составляет большинство населения, пролетариат может и должен найти подход к крестьянству для овладения властью. Нам абсолютно чужд какой бы то ни было реформистский оппортунизм по отношению к крестьянству в международном смысле. Но в то же время не менее чужд нам и догматизм. Рабочий класс во всех странах играет достаточно большую социально-хозяйственную роль, чтобы найти пути к крестьянским массам и к угнетенным нациям, колониальным народам, чтобы таким образом обеспечить себе большинство. После опыта русской революции это не предположение, не гипотеза, не вывод, а неоспоримый факт.

И, наконец, третья предпосылка: рабочий класс должен быть готов для переворота и способен его произвести. Рабочий класс должен быть не только достаточно силен для этого, но должен сознавать свою силу и должен уметь эту силу применить. Сейчас мы опять-таки этот субъективный фактор можем и должны расчленить и уточнить, потому что мы наблюдали в политической жизни Европы, за последние послевоенные годы, как рабочий класс готов к перевороту, готов в смысле субъективного стремления, воли, настроения, самоотвержения, но лишен еще необходимого организационного руководства; стало быть, его настроение и его организованное сознание не всегда совпадают. Наша революция дала нам, благодаря исключительному пересечению исторических факторов, нам, отсталой стране,—возможность передачи власти в руки рабочего класса, непосредственно связанного с крестьянскими массами. Роль партии слишком ясна для нас и сейчас уже ясна, к счастью, для западно-европейских коммунистических партий. Не учитывать роли партии—значит власть в лжемарксистский объективизм, который предполагает какую-то чисто объективную автоматическую подготовку революции, которая тем самым отодвигается в неизвестное будущее. Этот автоматизм нам чужд. Это меньшевистское мирозерцание, социал-демократическое. Мы знаем, на практике мы научились и учим других понимать огромную роль того субъективного созна-

тельного фактора, каким является революционная партия рабочего класса.

Без нашей партии переворота в 1917 г., разумеется, не произошло бы, и вся судьба нашей страны была бы другая. Она была бы отброшена в колониальное прозябание, была бы расхищена между империалистскими странами мира. Если этого нет, то это обеспечено было в истории тем, что рабочий класс был вооружен этим несравненным лезвием, каким является наша коммунистическая партия. Этого не оказалось после войны в Европе. Две предпосылки были наличи: задолго до войны—относительная выгодность, а с 1913 г., и особенно ярко после войны,—абсолютная необходимость социализма. Без него Европа хозяйственно загнивает и распадается. Это фант. Рабочий класс в Европе не будет уже расти. Он в своей судьбе, классовой судьбе, параллельно соответствует развитию хозяйства. Поскольку европейское хозяйство, с теми или другими колебаниями, переживает застой и даже распад, постольку и рабочий класс, как класс, социально не растет, не увеличивается, а страдает от безработицы, от ужасающих колебаний резервной армии и проч. и проч. Война поставила его на ноги в революционном смысле. До войны рабочий класс по социальному значению, разве был бы способен революцию произвести? Чего ему не хватало? Ему не хватало сознания его силы. Его сила выросла в Европе автоматически, незаметно в росте промышленности. Война встряхнула рабочий класс. В этой ужасающей кровавой встряске, на другой день после войны, рабочий класс был весь проникнут революционным настроением в Европе. Стало быть, одна часть субъективных факторов—стремление изменить этот мир—была налицо. Чего не было? Не было партии, которая способна была бы вести рабочий класс к победе. И вот как складываются события революции у нас и вне нас. В 1917 г.—февральско-мартовская революция; через 9 месяцев—октябрь: революционная партия обеспечивает победу рабочему классу и крестьянской бедноте. 1918 год—революция в Германии, смена верхушек; рабочий класс рвется вперед, но его громит раз за разом. Пролетарская революция в Германии не дает победы. 1919 г.—вспышка Венгерской пролетарской революции: слишком узка база и слишком слаба партия. Революция раздавлена в 1919 же году через несколько месяцев. В 1920 г. уже положение меняется и меняется все более и более резко. Во Франции есть историческая дата,—первое мая 1920 г., когда произошел резкий поворот в соотношении сил пролетариата и буржуазии. Настроение французского пролетариата было в общем революционно, но он представлял себе победу гораздо легче, убаюканный той партией, теми организациями, какие выросли в предшествующий период мирного, органического развития капитализма. 1 мая 1920 г. французский пролетариат объявил всеобщую стачку. Это должно было быть первым крупным его столкновением с французской буржуазией.

Вся буржуазная Франция трепетала. Только что вышедший из траншей пролетариат был ей страшен. Но старая социалистическая партия, старые социал-демократы, которые не могли перечить революционному рабочему классу и провозгласили всеобщую стачку, сделали в то же самое время все для того, чтобы ее сорвать; революционные же элементы, коммунисты, были слишком слабы, рассеяны и лишены опыта. Стачка 1 мая провалилась. И если вы возьмете французские газеты за 1920 г., то вы по передовым статьям, по хронике увидите уже быстрый и решительный рост силы буржуазии. Буржуазия сразу по-

чувствовала свою устойчивость, прибрала к рукам государственный аппарат и перестала считаться, или все больше переставала считаться с требованиями и угрозой революции со стороны пролетариата.

Мы имели в том же году, в августе 1920 г. событие поближе к нам, которое тоже произвело изменение соотношения сил не в пользу революции. Это было наше поражение под Варшавой, наше поражение, которое с точки зрения международной имеет теснейшую связь с тем фактом, что в Германии, в Польше к этому моменту революционное движение не могло дать победы, за отсутствием крепкой революционной партии, пользующейся доверием большинства рабочего класса.

Через месяц, в сентябре 1920 г. мы переживаем величайшее движение в Италии. Итальянский пролетариат, именно к этому моменту, к осени 1920 г. достиг после войны высшей точки кипения. Он овладевает заводами, фабриками, железными дорогами, шахтами. Государство дезорганизовано, буржуазия почти лежит на земле с перелбитым позвоночником. Казалось, еще один шаг вперед и итальянский рабочий класс овладеет властью. Но в этот момент его партия, та социалистическая партия, которая вышла из предшествующей эпохи, хотя она и принадлежала формально к III Интернационалу, но по духу своему, по корням своим еще не вышла из прошлой эпохи, т.-е. из II Интернационала, эта партия отшатывается в ужасе от взятия власти, от гражданской войны и обнажает пролетариат. На него производит атаку наиболее решительное крыло буржуазии в лице фашизма, в лице того, что еще было крепко в полиции и армии. Пролетариат разбит.

Мы видим в Италии еще более резкое изменение соотношения сил после поражения пролетариата в сентябре. Буржуазия сказала себе: так вот вы каковы. Вы толкаете пролетариат вперед, но у вас нет духа взять власть. И она выдвинула вперед свои фашистские отряды.

Через несколько месяцев, в марте 1921 г., мы наблюдаем крупнейшее событие в германской жизни, знаменитые мартовские события. Тут перед нами несовпадение между классом и партией разворачивается с другого конца. В Италии в сентябре рабочий класс рвется к бою. Партия в ужасе отскакивает назад. В Германии рабочий класс рвался в бой, дрался и в 1918 г. и в течение 1919 г., и в течение 1920 г., но его усилия и жертвы не были увенчаны победой, ибо во главе его не было достаточно сильной, опытной и сплоченной партии, а та партия, которая была, спасла буржуазию второй раз, после того, как она ее спасла во время войны. И вот в 1921 г. коммунистическая партия Германии, видя, как буржуазия укрепляет свои позиции, хотела сделать героическую попытку пересечь дорогу буржуазии натиском, ударом и бросилась вперед. Но рабочий класс ее не поддержал. Почему? Да потому, что он еще не научился ей доверять. Он не знал в целом этой партии, а его опыт в гражданскую войну приносил ему только поражения в течение 1919 и 1920 г. г. И вот в марте 1921 г. произошел факт, который побудил Коммунистический Интернационал сказать: соотношения между партиями и классами, между коммунистическими партиями и рабочим классом всех стран Европы не подготовлены еще для непосредственного наступления, для непосредственного боя за завоевание власти. Необходима тщательная подготовка коммунистических рядов в двойном смысле: во первых, в смысле их сплочения, закала и, во-вторых, в смысле завоевания ими доверия подавляющего большинства рабочего класса. Таков был лозунг, выброшенный III конгрессом по свежим следам мартовских событий в Германии. И вот, т. т.,

после марта в течение 1921 г., в течение 1922 г. мы наблюдаем процесс, по крайней мере внешне, упрочения позиции буржуазных государств Европы, мы видим укрепление крайнего правого крыла. Во Франции у власти все еще национальный блок, во главе с Пуанкаре. Но Пуанкаре считается во Франции, т.е. в национальном блоке левым, и на горизонте вырисовывается призрак нового более реакционного, более империалистического министерства Тардые. В Англии правительство Ллойд Джорджа, этого империалиста, но империалиста с пацифистскими поговорками и прибаутками, сменилось чисто консервативным, чисто открыто—империалистским министерством Бонар-Лоу. В Германии коалиционное, т.е. с примесью социал-демократии, министерство сменилось открыто буржуазным министерством Куна и, наконец, в Италии мы видим пришествие к власти Муссолини, открытое господство контр-революционного кулана. В области экономической капитал наступает на пролетариат. В Европе во всех ее странах рабочим приходится отстаивать, и не всегда успешно, ту заработную плату, какая была вчера, и 8-ми часовой рабочий день в тех странах, где он легально завоеван в последний период войны или после нее. Такова общая обстановка. Ясно, что революционное развитие, т.е. борьба пролетариата за власть, начиная с 1917 г., не представляет собою единообразной, планомерно восходящей линии.

Тут произошел перерыв. И, т.т., для того, чтобы яснее представить себе положение, какое переживает рабочий класс сейчас, не бесполезно прибегнуть к аналогии. Аналогия,—историческое сравнение, сопоставление,—есть опасный метод, потому что из аналогии сплошь да рядом хотят извлечь больше, чем она может дать, но в известных рамках, с целью наглядности, аналогия бывает полезна. Мы начали нашу революцию в 1905 г., после русско-японской войны. Мы тогда уже, издавна, но все же логично вещей тянулись к власти. 1905 и 1906 гг.—застой, две думы; 1907 г.—3-е июня, государственный переворот, первые победы реакции почти без отпора,—и затем революция откатывается назад. 1908 и 1909 гг.—уже черные годы, а потом, только постепенно, с 1910—11 г. начинается подъем, который перекается войной. 1917 г.—март, победа буржуазной демократии; октябрь—победа рабочих и крестьян. Стало-быть, две большие точки: 1905 г. и 1917 г., между ними 12 лет. Эти 12 лет в революционном смысле представляют собой ломаную линию, сперва понижающуюся, потом повышающуюся. В международном смысле, прежде всего по отношению к Европе, мы имеем нечто подобное. Победа была возможна в 1917 г., в 1918 г., но мы ее не получили—не хватало последнего условия, сильной коммунистической партии. Буржуазия восстановила многие из своих политических и военно-политических позиций, но не хозяйственных, а пролетариат стал строить камень за камнем коммунистическую партию. На первых порах эта коммунистическая партия пыталась наверстать упущенное одним быстрым дерзким скачком вперед, в марте 1921 г. в Германии. На этом она обожгла себе руки. Интернационал предостерегал ее: «ты должна завоевать доверие большинства рабочего класса, прежде чем будешь смеять звать его на открытый революционный штурм». Таков был урок 3 конгресса. Через полтора года после него собрался 4 конгресс Коминтерна.

Давая ему самую общую оценку, надо сказать, что к моменту его созыва еще не наступил поворотный пункт в том смысле, чтобы Интернационал мог сказать: «теперь, этот час открытого штурма уже про-

бил». 4 конгресс развивал, углублял, проверял и уточнял работы 3 конгресса, и убедился, что он был прав во всем основном.

В 1908—1909 г., я сказал, мы в России на гораздо более узкой тогдашней арене переживали момент наиболее глубокого падения революционной волны и в смысле настроения рабочего класса, и в смысле победоносной тогдашней столыпинщины и распутищины, и в смысле распада передовых рядов рабочего класса. То, что оставалось в качестве нелегальной ячейки, было страшно малочисленно по отношению к рабочему классу в целом. Лучшие элементы были в тюрьмах, на каторге, в ссылке. Это—самая низкая точка в революционном движении—1908 и 1909 гг. Затем—постепенный подъем. Мы переживали за последние 2 года, отчасти переживаем еще и сейчас, несомненно, период аналогичный 1908 и 1909 году, т.-е. низшую точку в непосредственной открытой революционной борьбе.

Есть и еще одна аналогия. 3 июня 1907 г. контр-революция на тогдашней парламентской арене одержала победу (переворот Столыпина) почти без отпора в стране, а в конце 1907 г. ударил грозный толчек—промышленный кризис. Какое влияние произвел он на рабочий класс? толкнул ли он его на борьбу? Нет. Уже в 1905, 1906 и в первой половине 1907 г. рабочий класс всю свою энергию, лучшие элементы отдал открытой борьбе. Он потерпел поражение, а после поражения наступил торгово-промышленный кризис, который ослабил производственную и хозяйственную роль пролетариата, сделал его положение менее устойчивым. Этот кризис ослабил его и революционно, и политически. И только торгово-промышленный подъем, который начался с 1909—1910 г. и собрал рабочие ряды на фабриках и заводах, наполнил рабочих вновь большой уверенностью, дал большую опору нашей партии и толкнул революцию вперед. И здесь, я говорю, есть некоторая аналогия. В 1921 г. весной начался в Америке и Японии жесточайший торгово-промышленный кризис, после того, как пролетариат потерпел во Франции поражение 1 мая 1920 г., в Италии в сентябре 1920 г., в Германии—в течение всего 1919 и 1920 гг. и особенно в мартовские дни 1921 г. Вот в этот как раз момент, весной 1921 г., начинается кризис в Японии и в Америке и во вторую половину 1921 г. перебрасывается на Европу. Безработица растет, особенно, как вы знаете, в Англии, до небывалых размеров. Устойчивость положения пролетариата еще более падает после уже понесенных им потерь и разочарований и это не укрепляет его, а наоборот, в данных условиях кризиса ослабляет. С настоящего года, с конца прошлого года, замечается некоторое промышленное оживление, которое в Америке достигает настоящего подъема, а в Европе проходит небольшой, неравномерной рябью. Таким образом, и здесь первый толчек к обострению открытого массового движения был дан, особенно во Франции, некоторым улучшением экономической конъюнктуры. Но тут, т.т., аналогия кончается. Промышленный подъем 1909 и 1910 гг. у нас и во всем мире до войны был полнокровным могущественным подъемом, который длился до 1913 г., пока производительные силы не уперлись в рамки капитализма, и отсюда возникла величайшая империалистическая бойня. Промышленное улучшение, которое началось в конце прошлого года, есть только перемена температуры туберкулезного организма европейского хозяйства. Европейское хозяйство не растет, а распадается, и лишь в некоторых странах держится на одном уровне. Самая богатая из европейских стран—островная Англия исчисляет свой национальный доход, по крайней мере, на $\frac{1}{5}$, а то и на $\frac{1}{4}$ ниже, чем

до войны. Воевали, как вы знаете, чтобы завоевать рынок. Кончилось тем, что обеднели, по крайней мере, на $\frac{1}{4}$, или на $\frac{1}{5}$. Улучшения за этот год минимальные. Падение влияния социалдемократии и рост за ее счет коммунистических партий — верный симптом того. Как известно, социал-реформизм вырос благодаря тому, что буржуазия имела возможность улучшать положение более квалифицированных слоев рабочего класса. Без этого, разумеется, Шейдеман и все прочее, что с ним связано, было бы невозможно, ведь это не просто идейное течение, а оно вырастает из хозяйственных, экономических и социальных предпосылок. Это рабочая аристократия, которая пользуется тем фактом, что капитализм полнокровен и могуществен и имеет возможность улучшить положение, по крайней мере, верхних слоев рабочего класса. Вот почему как раз в годы, предшествовавшие войне, начиная с 1909 по 1913 год, мы видим наиболее сильный рост бюрократии профсоюзов и социал-демократов, наибольшее укрепление реформизма, национализма в верхах рабочего класса, результатом чего и была ужасающая катастрофа II Интернационала в начале войны. И теперь, т.е., вся суть положения в Европе характеризуется тем, что буржуазия не имеет более возможности подкармливать верхи рабочего класса, ибо она не имеет возможности нормально — по капиталистически нормально — кормить весь рабочий класс. Понижение уровня в жизни рабочего класса есть сейчас закон такой же, как и распад европейского хозяйства. Этот процесс начался с 1913 г., война внесла в него внешние изменения; после войны он обнаружился особенно жестоко. И поверхностные колебания конъюнктуры не меняют этого факта. Это — первое и основное отличие нашей эпохи от эпохи довоенной.

Но есть и второе отличие — это существование советской России, как революционного факта. Есть третье отличие — это существование централизованной международной коммунистической партии. И мы, т.е., видим, как в то самое время, когда буржуазия одерживает одну внешнюю победу за другой над пролетариатом, в это самое время рост, укрепление, планомерное развитие коммунистической партии не задерживается, а идет вперед. И это — самое важное, основное отличие нашей эпохи от той, которая была между 1905 и 1917 г.

То, что я говорил, как вы видите, касалось и касается, главным образом, Европы. Было бы неправильно распространять это целиком на Америку. И в Америке социализм выгоднее капитализма и даже правильнее сказать, особенно в Америке социализм был бы выгоднее капитализма, т.е. если бы нынешние американские производительные силы организовать на началах коллективизма, то расцвет хозяйства был бы баснословный.

Но в отношении к Америке неправильно было бы сказать, как мы говорим по отношению к Европе, что капитализм для нее уже сегодня означает приостановку хозяйственного развития. Европа гниет, а Америка живет. В первые годы, или, вернее, в первые месяцы, в первые 20 месяцев после войны могло казаться, что Америка будет сейчас же немедленно подкошена хозяйственным упадком Европы, ибо Америка не пользовалась, эксплуатировала европейский рынок вообще и военный рынок в особенности. Этот рынок для нее зачат, иссяк, и чудовищная вавилонская башня американской индустрии грозила подкоситься, лишившись одного из истоков, и повалиться окончательно. Но Америка, лишившись в прежней степени европейского рынка, тем вернее (помимо эксплуатации собственного внутреннего рынка, сто-

миллионного богатого населения), захватывает и захватила рынки некоторых европейских стран—Германии и в значительной мере Англии. И мы видим, как в 1921 и 1922 г. американское хозяйство переживает подлинный торгово-промышленный подъем, в то время как Европа проходит только через отдаленные отражения этого подъема. Стало быть, в Америке производительные силы развиваются еще и при капитализме, медленнее, конечно, чем развивались бы при социализме, но все же развиваются. Как долго,—это другой вопрос. Американский рабочий класс, конечно, по своей хозяйственной и социальной мощи вполне созрел для того, чтобы овладеть государственной властью, но по своим политическим и организационным традициям несравненно он дальше от этого, чем европейский рабочий класс, и наша сила—сила коммунистического Интернационала в Америке еще очень слаба. И если спросить себя (разумеется, это только условная постановка вопроса), что произойдет раньше, победоносная пролетарская революция в Европе, или же создание сильной коммунистической партии в Америке, то я бы рискнул сказать на основании всех тех данных, которые имеются у нас сейчас (разумеется, возможны всякие новые факторы, в виде, скажем, войны Америки с Японией, а война есть, товарищи, большой локомотив истории) и если брать нынешнее состояние в его дальнейшем логическом развитии, то я сказал бы, что несравненно больше шансов, что пролетариат победит раньше в Европе, чем в Америке выдвинется и разовьется могущественная коммунистическая партия. Другими словами,—подобно тому, как победа революционного рабочего класса в октябре 1917 г. была предпосылкой к созданию Коммунистического Интернационала и росту коммунистических партий в Европе, так, по всей вероятности, победа пролетариата важнейших стран Европы будет предпосылкой быстрого революционного развития Америки. Вот в чем разница этих двух областей: Европы с хозяйством загнивающим и распадающимся, с пролетариатом уже производственно не растущим (потому что некуда расти), а дожидающимся, пока разовьется его коммунистическая партия,—и Америки, которая еще хозяйственно идет вперед, эксплуатируя распад Европы.

Третья область—это колонии. Само собою разумеется, что колонии—Азия, Африка (я говорю о них в целом), несмотря на то, что они тоже представляют величайшее градации, как и Европа—колонии, если брать их самостоятельно и изолированно, совершенно не готовы для пролетарской революции. Если брать их изолированно, то капитализм в них имеет еще длительную возможность хозяйственного развития. Но колонии принадлежат метрополиям и их судьба тесно связана с судьбой их европейских метрополий. В колониях мы наблюдаем растущее национальное революционное движение. Коммунисты представляют собою там только небольшие ячейки, внедренные в крестьянство. Так что в колониях мы имеем преимущественно мелкобуржуазное и буржуазное национальное движение. Если вы спросите о перспективах социалистического и коммунистического развития колоний, то я скажу, что этот вопрос нельзя ставить изолированно. Конечно, после победы пролетариата в Европе, эти колонии станут ареной культурного хозяйственного и всякого другого воздействия Европы, но для этого они должны прежде всего сыграть свою революционную роль параллельно с ролью европейского пролетариата: В этом отношении европейский, в частности французский и особенно английский, пролетариат делает слишком мало. Развитие, влияние идей социализма и коммунизма, освобождение трудящихся

масс колоний, ослабление влияния националистических партий могут быть обеспечены не только и не столько ролью туземных коммунистических ячеек, сколько революционной борьбой пролетариата метрополии за освобождение колоний. Только этим пролетариат метрополии покажет колониям, что есть две европейские нации, одна угнетательница, другая—дружественная; только этим он даст дальнейший толчек колониям, который сотрясет здание империализма и тем сослужит революционную службу делу пролетариата.

Т. т., мы до последнего времени недостаточно дифференцировали Европу и Америку и, под этим углом зрения, медленность развития коммунизма в Америке могла внушить кое-кому пессимистические идеи в том смысле, что в деле революции Европа должна дожидаться Америки.

Этого нет. Европа ждать не может. Другими словами,—если бы революция в Европе оттянулась на десятки лет, это значило бы, что Европа вообще вычеркивается, как культурная сила. Вы знаете, что в Европе есть теперь модная философия Шпенглера о закате Европы. Это есть в своем роде правильное классовое предчувствие буржуазии. Не замечая пролетариата, который бы заменил буржуазию и взял власть,—они говорят о закате Европы. Разумеется, если бы это было так, то хоть и не закат, но длительное, хозяйственно-культурное гниение Европы было бы неизбежно, и тогда с запозданием пришла бы американская революция и взяла бы Европу на буксир. Но для такого прогноза, пессимистического с точки зрения срока, нет никаких серьезных оснований. Конечно, в отношении сроков гадание—вещь довольно ненадежная и не всегда серьезная, но я говорю, нет никакого основания думать, что между 1917 г.—началом новой революционной европейской эпохи—и между ее крупнейшими победами в западной Европе должно пройти больше лет, чем между нашим 1905 и 1917 г. У нас прошло 12 лет между началом революции, между первым опытом и победой. Сколько лет пройдет между 1917 г. и первой крупной и прочной победой в Европе, мы, конечно, не знаем. Не исключено, что пройдет меньше 12 лет. Во всяком случае, величайшим преимуществом является факт существования сейчас советской России и Коммунистического Интернационала, как централизованной организации революционного авангарда, и связанный с этим факт систематического организационного укрепления коммунистических партий в разных странах. Это не всегда означает рост их численности. Разумеется, в 1919—1920 гг. когда первые надежды пролетариата были еще свежи, он вливался в коммунистические партии, как вообще во время прилива, и заполнял неустойчивыми элементами коммунистические организации. Кое-какие элементы теперь отошли, но рост партии в смысле ее закала, в смысле упрочения ее идейной ясности, в смысле ее международной централизованности, связи не прекратился. Этот рост является неоспоримым фактом и он нашел свое выражение, как в том, что 4 конгресс положил начало—впервые в истории пролетариата—начало выработки международной программы, так и в том, что в лице исполнительного комитета на 4 конгрессе впервые создан и выделен централистический орган не на федеративных принципах, не на основе делегирования представителей от разных партий, а орган, выбранный самим же 4 конгрессом. И этому исполнительному комитету вручены судьбы Коммунистического Интернационала до ближайшего конгресса.

Две задачи, тесно связанные, одна с другой, стоят перед коммунистическим интернационалом после IV-го конгресса. Первая задача, это

продолжение борьбы с центристскими тенденциями, которые выражают повторные и настойчивые попытки буржуазии, через ее левое крыло, внедриться внутрь коммунистического интернационала, пользуясь злостью характером революционного развития. Борьба с центризмом внутри коммунистического интернационала, дальнейшее его очищение—это раз. И, во-вторых, борьба за влияние на подавляющее большинство рабочего класса.

Обе эти проблемы очень ярко встали на III-м конгрессе, особенно в связи с нашей французской коммунистической партией, которая выступила на конгрессе в лице двух фракций—центра и левой. Наша итальянская партия раскололась после сентябрьских событий 1920 г. Уже на III-м конгрессе летом 1921 г. итальянский центр, так называемые максималисты с Серрати во главе, не присутствовали на нашем конгрессе и были объявлены исключенными из Интернационала. Во французской партии те же две тенденции замечались накануне IV-го конгресса. Параллелизм итальянского и французского движения и раньше отмечался во многих отношениях. И вот факт крупнейшего симптоматического значения; несмотря на торжество контр-революции в Италии и во всей Европе, о чем я уже говорил, мы наблюдаем именно в Италии, где коммунизм был наиболее поражен, не распад, не отход, а, наоборот, новый толчок в сторону коммунистического интернационала. Максималисты во главе с Серрати, которого мы исключили в свое время (и правильно исключили за поистине предательское поведение), эти максималисты, во время сентябрьского движения 1920 г. расколовшийся с реформистами, поступали в ворота Интернационала накануне 4-го конгресса. Что это означает? Это означает новый революционный толчок влево со стороны одной части пролетарского авангарда. Многое говорю за то, что французские центристы проделают судьбу итальянских максималистов, т.-е. уйдут от нас. Разумеется, мы примирились бы и с таким исходом, зная, что в последнем счете левое крыло все же возьмет верх. Однако опыт итальянских максималистов, которые с покаянной головой прибыли в Москву после того, как оторвались от Москвы, кой чему научил французских центристов во главе с Кашеном и Фроссаром. Вы все должны знать те резолюции, которые принял IV-й конгресс по отношению к французской партии. Это в своем роде драконовские резолюции, если принять во внимание нравы и обычаи Франции, ее старой социалистической партии. Требование полного разрыва со всеми учреждениями буржуазии кажется нам само собою очевидным, но во Франции, где сотни и сотни членов коммунистической партии входят во франк-масонские ложи, в буржуазно-демократические лиги защиты прав человека и гражданина и проч., там требование полного разрыва с буржуазией, исключение всех франкмасонов и проч., является делом переворотом в жизни партии. Мы установили на конгрессе для французской партии требование, чтобы девять десятых кандидатов на всякие выборные должности—в парламент, в муниципалитеты, кантональные советы и проч., выдвигались из числа рабочих или крестьян, непосредственно связанных со станком или с сохой. Кто знает условия жизни французской партии, где есть целые фаланги интеллигентов, адвокатов, карьеристов, которые нюхают у ворот разных партий, где пахнет мандатом, или тем более в перспективе властью и пр., тот должен понять, что требование выдвигать на выборные должности девять десятых рабочих и крестьян непосредственно от станка и сохи,—это величайшая революция в жизни французской партии. Левое крыло, при-

Близительно равносильное центру, было за это. Центр очень колебался и мы понимали, что это самый большой вопрос, что здесь мы московским сапогом наступили на некоторую очень чувствительную мозоль и мы дожидались, как в Париже откликнутся на московское ауканье. Последние телеграммы свидетельствуют, что была попытка оторваться от Москвы. Называют инициатором этой попытки Моризе, который был у нас в Москве, затем написал очень сочувственную книжку. (Написать в Париже сочувственную книжку о русской революции—это одно, а готовить французскую революцию—это совсем другое). Этот Моризе, затем Сутив,—члены центрального комитета, предлагали, не дожидаясь возвращения делегации из Москвы, расколоться и провозгласить независимую партию. Но давление снизу оказалось таким, готовность низов подчиниться вердикту IV-го конгресса так была ярна и отчетлива, что они должны были ударить отбой и при их воздержании, только воздержании, нынешний Ц. К., состоящий сплошь из центристов, без единого левого, может-быть, и без общего восторга всех членов центрального комитета, но постановил подчиниться московским решениям.

Повторяю, т. т., с точки зрения мировых перспектив факт может показаться небольшим. Но если следить изо дня в день, а мы должны этому научиться, за жизнью через нашу прессу, следить изо дня в день за жизнью французского рабочего класса и его коммунистического авангарда, то всякий скажет, что только теперь, после четвертого конгресса, французскому коммунизму дан такой поворот, что быстрый рост завоевания, доверия широких рабочих масс Франции обеспечен, тем более, что нет на свете рабочего класса, который был бы так часто обманут позорнейшим и подлейшим образом, как французский рабочий класс. Его с конца XVIII-го столетия во всех революциях обманывала буржуазия разных оттенков. Французские же социалисты довоенной и военной эпохи развили наиболее изысканную механику и музыку обмана из всех партий II Интернационала. И вот почему французский рабочий класс, с превосходным революционным темпераментом, неизбежно должен был с величайшим недоверием относиться и к новой коммунистической партии. Он видел „социалистов“ под разными именами, и как они ни меняли кожу, их организации оставались проходными воротами для карьеристов, депутатов, всяких журналистов, министров и т. д... Бриан, Мильеран,—все это ведь из старой социалистической партии. Такого опыта обмана, политической эксплуатации не имел никакой другой пролетариат в мире. Отсюда недоверие, отсюда политический индифферентизм, отсюда синдикалистские влияния и предрассудки.

Нам нужно, чтобы коммунистическая партия предстала перед рабочим классом и на деле показала: я не партия, как другие партии, а революционная организация рабочего класса; карьеристам, франк-массонам, демократам, блюдолизам нет места в моей среде. И это требование впервые предъявлено и поставлено, при чем и срок назначен—до 1 января 1923 г. Ни одного франк-массона, ни одного карьериста до 1 января 1923 г. Только еще несколько дней остается им. Это, товарищи, факт крупнейшего значения (аплодисменты).

По отношению к той же Франции еще один вопрос—об едином фронте—встал очень остро. Лозунг единого фронта вырос, как вы знаете, из двух причин: во-первых, мы, коммунисты, во Франции, в Германии, почти во всех странах Европы еще меньшинство, мы имеем влияние на меньшую половину пролетариата, кроме Болгарии, отчасти, может-быть, Чехо-Словакии. Вместе с тем революционное развитие замедлилось;

пролетариат хочет жить и бороться, а он расколот. При этих условиях нужно, чтобы коммунисты завоевали доверие этого рабочего класса. На чем? На борьбе во всем ее объеме, на текущей, на сегодняшней борьбе, на всяком требовании, на всякой стачке, на всякой манифестации. Всюду коммунист должен быть впереди. Он должен завоевать доверие тех, которые ему сегодня не доверяют. Отсюда лозунг единого фронта, сплочение внутри, изгнание из наших рядов всего, что несродно нам по духу, и в то же время борьба за те элементы, которые доверяют еще этим карьеристам, опортунистам, франк-массонам и проч. Это задача двойная, но тесно связанная. Французские коммунисты, особенно центристы, которые терпели в своей среде франк-массонов и отказались от тактики единого фронта, подчинившись влиянию диссидентов, т. е. французских социалистов, предложили применить тактику единого фронта по отношению к амнистии. Я беру Францию, потому что эти вопросы получили там наиболее яркое выражение. Как только Фроссар, секретарь партии, от имени коммунистов предложил диссидентам, т. е. социалистам, патриотам, реформистам совместное выступление, чтобы добиться амнистии рабочих революционеров, сидящих в тюрьмах со времени войны или после войны, как только он предложил, так сейчас же умнейшие вожди диссидентов ответили, — это ответ в высокой степени типичный и поучительный, мы с ним встречались и встретимся в других местах, — вы, коммунисты, к нам обращаетесь, стало-быть, вы признаете, что мы не предатели рабочего класса, но мы еще подумаем, нет ли у вас камня за пазухой, не собираетесь ли вы ненароком нас скомпрометировать. И в Гааге, я по газетам пишу, т. Радек написал одну, как говорят, очень непочтительную статью о Вандервельде и Шейдемане, а в то же время предложил тамошним социал-демократам и Амстердамцам единый фронт против милитаризма и военной опасности.

Зная зловредный характер т. Радек, я допускаю, что статья была очень непочтительной. Но сейчас же это обстоятельство сменили и господа Амстердамцы: ах, вот как! Тогда одно из двух: либо вы должны признать, что мы не предатели, раз вы нам предлагаете единый фронт, либо мы твердо решим, что у вас не только непочтительные статьи за пазухой, но и камни, так сказать, поопасней этого.

Т. е., эта позиция представляет собой, разумеется, самое широкое признание собственной несостоятельности. Когда я это читал, мне вспомнились слова некоторых парижских остряков за время нашей эмиграции насчет того, что когда коммунисты предложили Бурцеву дискуссию, то он ответил, что я, мол, знаю, меня, старого воробья, не проведешь; вы хотите дискуссией обнаружить несостоятельность моих умственных способностей, но я на эту провокацию не поддамся.

Эти люди, из II интернационала за поумнее Бурцева (за которым указанный мною недостаток в те времена числился, не знаю, как теперь), но попа даются в ту же самую ловушку. Ибо в чем камень за пазухой у нас? В том, что мы говорим: эти люди не способны бороться, не способны отстаивать интересы пролетариата. И обращаясь к их армии, т. е. к тем рабочим, которые за ними еще идут и им верят, мы говорим: вот предлагаем вашим вождям путь, вместе с нами бороться за 8-ми часовой рабочий день, за амнистию, против понижения заработной платы. В чем наш «камень»? Да в том, что если вы в этой борьбе, вы Амстердамцы и социал-демократы, покажете себя как трусы, как предатели, часть ваших рабочих к нам перейдет, а если вы, паче чаяния, окажетесь революционными тиграми и львами и т. п., то тем лучше, попробуйте. В этом и состоит наша провокация. Она так проста наша ловушка, так

проста, но вместе с тем неотразима, что увильнуть нельзя. Все равно, пойдет Бурцев на дискуссию—покажет, что плох, не пойдет, потому что боится показать что плох,—все равно плохо и исправить нельзя. Другими словами, лозунг единого фронта, который уже играет во всех европейских странах огромную роль, ибо он приучает рабочие массы к коммунистам, ставит перед рабочими, которые еще не верят коммунистам, следующее положение: ну, хорошо, вы в революционные методы, в диктатуру не верите, но мы предлагаем вам, мы, коммунисты, предлагаем вам вместе с вашей организацией сегодня бороться рука об руку и завоевать те требования, которые вы выдвигаете. Это самый неотразимый довод. Он приучает массы к коммунистам и показывает, что они лучшая организация и в частичной борьбе. Я говорю, эта борьба делает за последнее время очень большие успехи, и, на ряду со сплочением компартий, мы наблюдаем рост их политического влияния и рост их умения маневрировать, действительно маневрировать, чего им особенно не хватало.

Из единого фронта вытекает лозунг рабочего правительства, который на последнем IV конгрессе подвергался всестороннему обсуждению и был снова подтвержден, как центральный политический лозунг на ближайший период. Борьба за рабочее правительство, что это значит? Разумеется, мы коммунисты знаем, что действительно рабочее правительство в Европе будет тогда, когда пролетариат низвергнет буржуазию с ее демократической механикой и учредит свою диктатуру под руководством коммунистической партии. Но для того, чтобы это стало возможно нужно, чтобы европейский пролетариат поддерживал в большинстве своем коммунистическую партию.

Этого еще нет. И вот наши коммунистические партии в Европе по каждому подходящему случаю говорят: «рабочие социал-демократы, рабочие синдикалисты, анархисты или беспартийные. Заработная плата сокращается, от 8-ми часового рабочего дня остается все меньше и меньше. Дороговизна растет. Если бы все рабочие, при всех своих различиях, сумели объединиться и создать свое рабочее правительство, этого бы не было». И вот лозунг рабочего правительства становится клином, который коммунисты вгоняют между рабочим классом и всеми остальными классами, а так как верхушка социал-демократическая—реформисты—связана с буржуазией, то этот клин чем дальше, тем больше будет отрывать и уже начинает отрывать левую часть социал-демократических рабочих от их вождей. Лозунг рабочего правительства может в известных условиях стать реальностью в Европе, т. е. может наступить такой момент, когда, подобно тому как мы в России вместе с левыми эсерами создали рабоче-крестьянское правительство, коммунисты вместе с левыми элементами социал-демократии создадут рабочее правительство. Этот момент будет переходным к пролетарской диктатуре, к полной и законченной. Но сейчас значение лозунга рабочего правительства не в том, как и при каких условиях он будет осуществлен, а в том, что этот лозунг сейчас политически противопоставляет рабочий класс в целом всем остальным классам, т. е. всем группировкам буржуазного политического мира.

На IV конгрессе перед нами конкретно встал вопрос о рабочем правительстве по отношению к Саксонии. Там социал-демократы вместе с коммунистами имеют большинство в саксонском ландтаге против буржуазии. Социал-демократов, кажется, 40 депутатов, коммунистов 10 депутатов, а у буржуазии меньше 50 вместе. И вот социал-демократы предложили коммунистам создать вместе рабочее правительство в Саксонии.

У нашей партии по этому поводу были некоторые сомнения и колебания. Вопрос был рассмотрен здесь в Москве и был решен отрицательно. В самом деле, чего хотят германские социал-демократы? Чего они хотели этим предложением? Вы знаете, что во главе германской республики стоит социал-демократ Эберт. Под Эбертом стоит буржуазное министерство, призванное к власти Эбертом. А в Саксонии, в одной из очень пролетарских частей Германии, предполагалось коалиционное рабочее социал-демократическое и коммунистическое министерство. Получилось бы: в Германии, во всей стране сейчас подлинное буржуазное правительство, а в ландтаге одной из частей Германии в качестве громового коалиционное социал-демократическое и коммунистическое правительство. Мы Коминтерн ответили так: если бы вы, товарищи, коммунисты германские, рассчитывали на то, что в Германии революция возможна в течение ближайших месяцев, то мы вам советовали бы в Саксонии принять участие в коалиционном правительстве и использовать ваши министерские посты Саксонии для политических и организационных задач, превратив Саксонию в известном смысле в коммунистический плацдарм, для того чтобы при подготовке и при приближении наступления революции иметь уже упроченную революционную крепость.

Но это было бы возможно только в том случае, если бы давление революции уже ощущалось, если бы оно уже было налицо: тогда это был бы только захват одной из позиций в Германии, которую вам предстоит захватить в целом. Сейчас же вы, разумеется, будете в Саксонии играть роль привеска, привеска бессильного, ибо само Саксонское правительство бессильно перед лицом Берлина, а Берлин—это буржуазное правительство. Коммунистическая партия в Германии присоединилась к этому решению деликом и переговоры были сорваны. Но тот фант, что социал-демократы предложили коммунистам,—более слабым, чем с.-д. и гонимым в Германии теми же с.-д.—разделить с ними власть в Саксонии, разумеется, это ловушка. Но в этой ловушке нашло свое выражение давление рабочих масс в сторону единства, а это давление вызвано нами, и это давление, поскольку оно стремится оторвать рабочий класс от буржуазии,—это давление в последнем счете пойдет нам на пользу.

Я, т. т. сказал, что сейчас Европа переживает в своем государственном этапе прилив сосредоточенной реакции; победа консерваторов в Англии, национальный блок Пуанкаре с перспективой Тардье во Франции; в Германии, которая, кажется, еще и сегодня называется социалистической республикой,—так она с горяча была названа в ноябре 18 года,—получилось чисто буржуазное правительство; наконец, пришествие в Италии к власти Муссолини; Муссолини это—урок, который дается Европе в отношении демократии, ее принципов и методов, подобно тому, как мы дали Европе в начале 1918 года аналогичный урок, разогнав учредительное собрание. Муссолини, правда, несколько с другого конца—для Европы урок в высшей степени поучительный. Италия старая культурная страна, страна демократических традиций, всеобщего избирательного права и проч. и проч. И вот, после того, как пролетариат смертельно испугал буржуазию, но довести ее до смерти не сумел, из-за предательства своей партии, буржуазия выдвигает из себя все активные элементы, и во главе их ренегата социализма и пролетариата—Муссолини. Происходит мобилизация частной партийной армии, которая вооружается по всей стране, как будто из неведомых ресурсов, по существу же из правительственных ресурсов, отчасти на секретные средства в Италии, в значительной мере на французские субсидии через Муссолини. И вот, под покровом демократии, создается

ударная боевая организация контр-революции, которая громит в течение 2 лет рабочие кварталы, окружает своими войсками Рим. Буржуазия колеблется, потому что не уверена, справится ли Муссолини. Но когда Муссолини справился, все преклоняются перед ним. Надо во всех рабочих учреждениях и домах западной Европы и других буржуазных странах—мы-то уже в этом, конечно, не нуждаемся,—развесить и расклеить речь, которую Муссолини произнес в итальянском парламенте. Он сказал почти буквально следующее:

«Я бы мог вас всех отсюда выгнать и здесь устроить бивуак для моих фашистов. Но я в этом не нуждаюсь, потому что вы и так будете лизать мои ботфорты». И тогда все ответили: «Точно так», при чем итальянские демократы спросили: «с какого ботфорта прикажете начать: с правого или с левого».

Т. т., это—урок для европейского рабочего класса, разъединенного на верхах своими традициями, буржуазной демократией, умышленным гипнозом легальности, урок—исключительного значения.

Я сказал, что величайшим завоеванием европейского и мирового рабочего класса в эту эпоху предсмертного торжества европейской буржуазии, в эту эпоху перерыва во восходящей линии революции, является централизованная коммунистическая организация Коминтерна и существование советской республики. Дело тут не в том, что мы, Россия, ведем международную пропаганду,—бывает, конечно, что и русские товарищи, как, напр., Радек и Лозовский пробиваются неожиданно для нас самих в Гаагу, пишут там непочтительные статьи, вызывают раздражение пацифистов и пацифисток и прочее. Это, т. т., разумеется, очень ценно и отраднo, но это все же явление второго порядка. И не в том суть, что мы в Москве оказываем гостеприимство конгрессам Коминтерна. Это, конечно, хорошо, но не в том состоит наша пропаганда, что мы встречаем наших товарищей итальянских, германских и прочих коммунистов и даем им комнаты в «Пюксе» (разумеется, плохо отапливаемые, потому что хорошо тонить мы еще не научились). Дело в самом факте существования советской республики. Мы к нему привыкли, к этому факту. К нему, в известном случае, как-будто бы привык весь рабочий класс мира. С другой стороны, притворяется привыкшей, до известной степени, и буржуазия. Но для того, чтобы понять значение существования советской республики, для революции, нужно на одну минуту представить себе (не к ночи будь сказано), что советской республики не существует больше. При Муссолини в Италии, при Пуанкаре во Франции, при Бонар-Люу в Англии, при буржуазном правительстве в Германии падение советской республики означало бы отсрочку европейской и мировой революции на десятилетие, означало бы подлинное гниение европейской культуры. Из Америки, из Японии, из Азии, быть может, возник бы потоп социализм. Пришлось бы уже гадать насчет десятилетий. Но вместо того, чтобы гадать насчет десятилетий, мы будем добиваться, чтобы это дело докончить в течение ближайших лет. (Аплодисменты). На это есть величайшая и полная возможность. Что такое пролетариат, когда он находит правильное отношение к крестьянству, пролетариат даже отсталой страны как наша? Мы это уже видели, и наш съезд советов, заседающий в эти дни в Москве,—показывает, что значительная сила пролетариата, окруженного и блокированного всем миром, но ведущего за собой крестьянство. Из этого источника—из советской России—черпает свою силу и энергию европейский мировой рабочий класс. У нас власть. У нас средства производства национализированы.

Это — великий козырь в руках трудящихся масс России, ~~каже есть~~ вместе с тем — залог ускоренного развития революции в Европе.

Если даже Америка и отстанет, мы свое все равно возьмем. Американская буржуазия грела руки у европейского костра во время империалистической войны. Но, т. т., когда зажжется революционный пожар в Европе, американская буржуазия долго не устоит. А нигде не сказано, что европейский пролетариат должен дожидаться, пока американский пролетариат научится не поддаваться обманам своей трижды растленной буржуазии. Нигде этого не сказано. В настоящее время американская буржуазия поддерживает сознательно Европу в состоянии гниения. Американская буржуазия, обожравшись европейской кровью и золотом, хозяйничает во всем мире, посылает своих уполномоченных на конференции без обязательств, там они молчат и решают, а время от времени кладут свою американскую ногу на стол и дипломаты европейских стран видят, что нога эта в превосходном американском башмаке, и этой ногой Америка диктует Европе свои законы. Европейская буржуазия — не только Германия, Франция, но и Англия — на задних лапках ходит перед буржуазией американской, которая во время войны извела Европу своей поддержкой, своими займами, своим золотом, а теперь поддерживает Европу в состоянии агонии. И американской буржуазии достанется от европейского пролетариата. И эта месть будет тем скорее, чем тверже будут наши советские успехи. Пропаганда наша, хороша она или плохо, — это факт 3-й или 4-й степени, а факт первостепенный — это наше хозяйство. Товарищи крестьяне — насколько я знаю, здесь присутствуют и беспартийные товарищи-крестьяне, — я могу сказать с полной уверенностью, что каждый лишней снои урожая есть маленькая гирька на чашу весов европейской революции. Чего боится рабочий класс Англии, чего боится германский рабочий класс? Голодная Европа живет 3 года войны и послевоенные годы американским хлебом. Американская буржуазия, разумеется, открыто грозит, что, в случае новых революционных замешательств в Европе, она учинит голодную хлебную блокаду, подобно тому, как Англия и Франция учинили промышленную блокаду по отношению советской России. И этот вопрос очень важен в расчетах европейского и, в первую голову, германского рабочего класса. И мы, советская Россия, должны сказать и делом подготовить это — что европейскую пролетарскую революцию хлебом будет кормить советская Россия.

И это, товарищи крестьяне, не слова, не фраза, ибо вся судьба Европы зависит от решения этого вопроса. Есть две возможности: европейский пролетариат, под страхом, американского сапога и европейский пролетариат, получающий поддержку русских рабочих и крестьян, поддержку хлебом в самые трудные дни и месяцы революции. Вот почему хозяйственные успехи в области сельского хозяйства являются револ ционным велом. И вот почему каждый крестьянин советской России, даже и не знающий твердо, где находится Германия, Франция или Англия, — крестьянин, который у себя стремится поднять хозяйство, сдвинуть его с мертвой точки, поддержать город и промышленность, этот крестьянин является сейчас лучшим помощником мировой — европейской, прежде всего, революции, — лучшим помощником, чем мы все старые и опытные пропагандисты.

Это, т. т., относится и к нашей промышленности. Разумеется, была бы жадка та революционная партия Европы, которая бы сказала себе — коммунист этого не скажет никогда, — что я буду дожидаться, пока советская республика покажет мне, как можно при социа-

Дополн тов. Троцкого.

БИБЛИОТЕКА
И. В. С. И. ИНСТИТУТ
К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА
при ЦК КПСС

1062843

5074

лизме улучшить положение рабочего класса. Дождаться не имеет права никто, они должны бороться вместе с нами. Но, с другой стороны, несомненно, что каждый наш хозяйственный успех, поскольку он в то же время дает нам возможность улучшать положение рабочего класса России, в то время как положение рабочего класса Европы падает со ступеньки на ступеньку, каждый наш хозяйственный успех является величайшим доводом, величайшей пропагандой в пользу ускорения пролетарской революции в Европе. У нас власть, средства производства. У нас граница. Это тоже не малое обстоятельство. И этот самый американский миллиардер в первоклассном сапоге, он за свои миллиарды мог бы скупить всю нашу Россию, если бы ему мы открыли нашу границу. Вот почему монополия внешней торговли есть также наше неотъемлемое, наше революционное завоевание, как и национализация средств производства. Вот почему рабочий класс и крестьянская Россия не позволят посягнуть на монополию внешней торговли, какие бы давления ни были произведены на нас изо всех пяти частей света, находящихся под игом капитала. Это—наши козыри. Их сохранить и преумножить, а не растратить мы можем только при правильной организации хозяйства. С этой точки зрения, т. т.,—никаких самообольщений перед трудностями наших задач. Это мы говорили на 4-м конгрессе. Там был специальный пункт о нашей новой экономической политике в связи с мировыми перспективами. Мы указывали на наши большие козыри: государственную власть, транспорт, важнейшие средства производства промышленности, недр земные, национализация земли, продналог, отсюда вытекающий, и монополия внешней торговли. Это—первоклассные козыри. Но и с лучшим козырями можно проиграть, если не уметь ими пользоваться. Мы, т. т., должны учиться. Тов. Ленин особенно энергично напомнил на конгрессе в кратком своем выступлении, что учиться нужно не только им, но и нам, учиться правильной организации промышленности, ибо эта правильная организация еще впереди, а не позади, это—завтрашний день, а не вчерашний и даже не сегодняшний.

Мы делаем усилия—и об этом мы говорили на IV конгрессе Коминтерна—стабилизировать нашу валюту. Эти усилия необходимы, и, разумеется, чем больше будут наши относительные успехи в этой области, тем легче будет хозяйственная работа в промышленности. Но всякий из нас слишком ясно понимает, что все усилия в области финансов, без подлинных материальных успехов в области промышленности останутся детской игрой в бирюльки. Основа—наша промышленность, на нее опирается советское государство, с ней оно живет и уверено в дальнейшей победе рабочего класса.

Наконец, еще один козырь, еще один аппарат, еще одна организация в наших руках. Об этом мы не раз говорили на IV конгрессе. Это наша партия. Я говорю здесь, прежде всего, перед коммунистической фракцией съезда советов, и об этом нужно сказать в заключение несколько слов. Из общего анализа вытекает, что мы переживаем в европейском масштабе период падения непосредственно революционной борьбы, при одновременной подготовительной работе и укреплении коммунистической партии. Развитие приняло более затяжной и длительный характер. Это значит, что мы должны будем больше выжидать подмоги со стороны европейского пролетариата, а затем мирового; это значит, что нашей партии суждено еще в течение долгого периода, может быть, нескольких лет, оставаться авангардом мировой революции. Это очень большая честь, но и очень большая ноша, очень

большая тигота. Мы предпочли бы иметь рядом с нами советские республики в Германии, Польше и других странах. Наша ответственность была бы меньше, и трудности нашего положения были бы не так велики. Наша партия состоит из старых кадров с дореволюционным подпольным закалом, но это меньшинство. Затем в ней есть сотни тысяч, которые ничем не хуже в смысле человеческого классового материала по сравнению со стариками,—сотни тысяч влившихся после революции, у которых преимущество—большая молодость, но недостаток—меньшая опытность. Тов. Ленин говорил мне (сам я этого не читал), что один не то чешский, не то немецкий врач писал: коммунистическая партия в России—это—несколько тысяч стариков, а дальше молодежь. Условия НЭП'а будут ее перерабатывать, и если старые поколения—эти тысячи—выйдут из работы, то партия окажется незаметным образом переданной стихией НЭП'а,—стихией капитализма. Тут, как вы видите, тонкий политическо-психологический расчет. Разумеется, расчет в корне ложный, но вместе с тем требующий от нашей партии, чтобы она, отдавая себе отчет в затыжном характере революционного развития и в трудностях нашего положения, приложила удвоенные и утроенные усилия к воспитанию молодых поколений нашей партии, к привлечению молодежи и повышению квалификации партийной массы. Для нас в настоящих условиях, это—вопрос жизни или смерти.

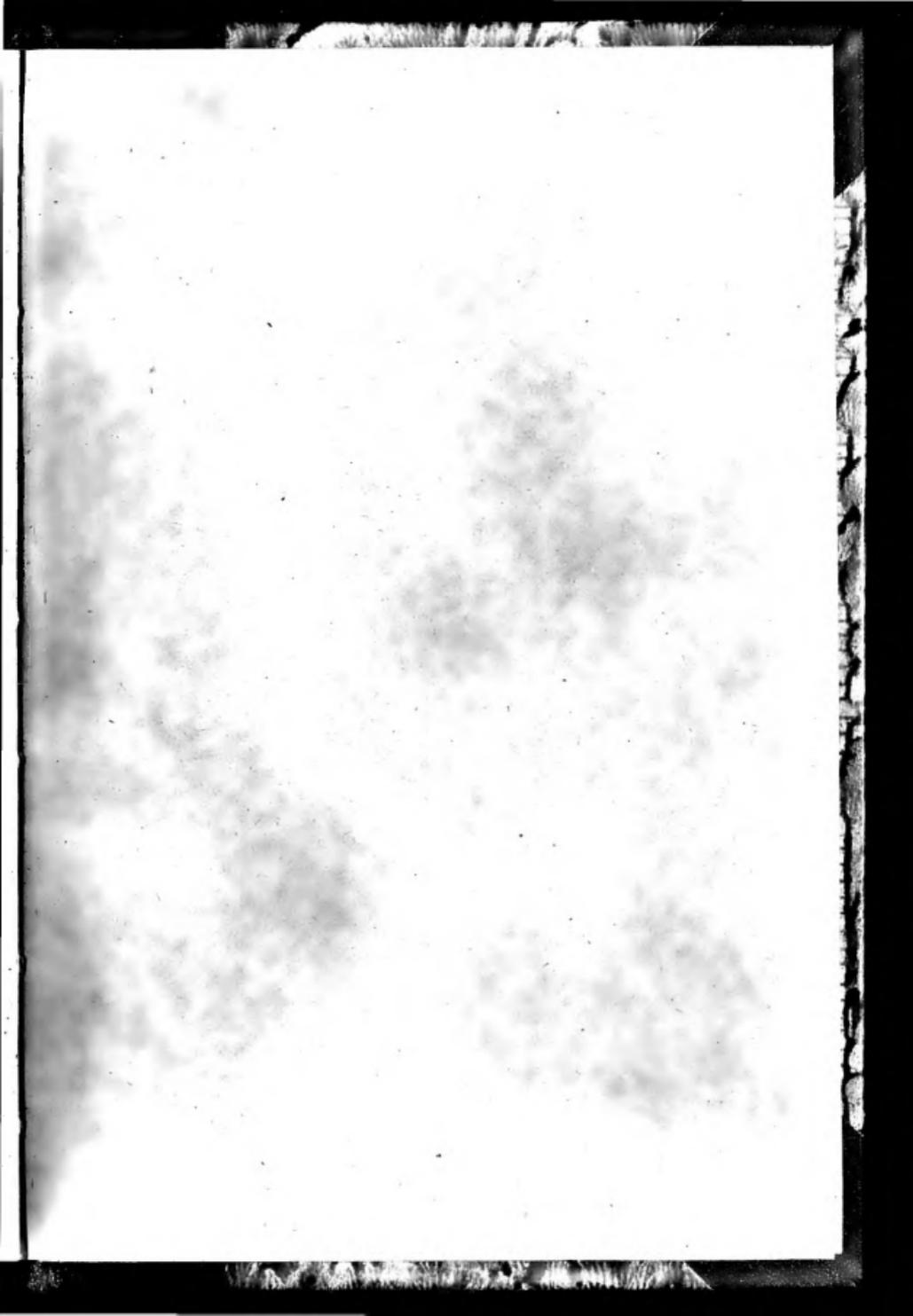
Т. т., я напомним еще один эпизод—эпизод очень крупный для всех нас с вами, это—заболевание Владимира Ильича. Большинство из вас не имело возможности следить за европейской печатью. Было много по поводу нас и против нас бешеных кампаний, но я не вспоминаю—даже в дни Керенского, когда нас травили, как немецких шпионов,—такой сосредоточенной кампании злорадства, бешенства и дьявольской надежды, как кампания по поводу болезни т. Ленина. Разумеется, враги надеялись на худший исход, на худший личный исход, и в то же время говорили, что партия обезглавлена, раскалывается на враждующие группы, что она распадется, и тогда Россию можно будет прибрать к рукам. Белогвардейская сволочь говорила, разумеется, открыто. Дипломаты, капиталисты Европы и Америки говорили об этом намеками, понимая друг-друга с полуслова. Т. т., этим путем они невольно, не желая того, с одной стороны, показали, что по своему они сумели оценить значение т. Ленина для нашей партии и революции, но, с другой стороны, они показали, что они не знают и не понимают—и тем хуже для них—природы и характера нашей партии. Мне незачем говорить перед коммунистической фракцией съезда советов о значении т. Ленина и в нашем и в мировом движении. Но есть, т. т., какая-то не только физическая, но и духовная, внутренняя, незыблемая связь между партией и тем, кто ее лучше, полнее и гениальнее всего выражает. И это выразилось в том, что когда т. Ленин был болезнью оторван от работы, партия (ей отчасти было известно завывание буржуазных шакалов всего мира) с внутренним трепетом ждала известий и бюллетеней о здоровье т. Ленина, но в то же время ни один мускул не дрогнул у нашей партии, ни одного колебания, ни намека на возможность борьбы внутренней, а тем более раскола. В то время, когда т. Ленин отходил от работы по предписанию врачей, партия отдала себе отчет, что теперь на каждого рядового члена партии ложится двойная и тройная ответственность, и партия ждала возвращения вождя единодушно и сплоченно. Я говорил не так давно с одним иностранным буржуазным политиком, который сказал мне: я возвращаю много в вашей партийной среде, в советской среде. Конечно, у вас есть и личная

борьба, и групповая борьба, но надо отдать вам справедливость, что когда дело идет о внешнем мире или о внешней опасности или об общих задачах, вы всегда выравниваете фронт. Последняя часть его заявления о нашем выравнивании фронта была мне отрадна, но первая, признаюсь, несколько меня покорежила. И опять же, поскольку в огромной партии, как наша, с огромными задачами, как наши, в труднейших условиях, как наши, и при несомненном изнашивании стариков—это закон природы—поскольку в нашей партии могли бы встать какие-нибудь внутренние опасности, против них нет и не может быть другого средства, как повышение квалификации всей партии, уплотнение ее общественного мнения, чтобы каждый из ее членов на всяком посту ощущал на себе повышенное давление партийного общественного мнения.

Таковы выводы для нас из общего международного положения. Завтра час европейской революции, может быть, еще и не ударит. Пройдут недели и месяцы, может быть, и несколько лет, а мы будем все еще единственным, рабоче-крестьянским государством в мире. Муссолини победил в Италии. Застрахованы ли мы от победы немецких Муссолини в Германии? Нет. И вполне возможно, что во Франции встанет у власти более реакционное министерство, чем Пуанкаре. Вуржуазия, прежде чем сесть на задние лапы и выдвинуть своего Керенского, еще может попробовать выдвинуть своих последних Столыпиных, Плеве, Сипягиных. Это будет преддверием к европейской революции, но при одном условии, если мы удержимся, если удержится советское государство, а, значит, прежде всего, если удержится наша партия до конца. Нам нужно будет пройти, может быть, еще не год этой подготовительной хозяйственной, политической и всякой иной работы. Поэтому, плотнее к массовым резервам. Больше молодежи вокруг нашей партии и в партии, максимальное повышение ее квалификации. При этом условии полной сплоченности и повышении нашей партийной квалификации, при передаче опыта старшего поколения младшему поколению, какие бы бури—предвестники последней пролетарской победы—ни разразились над нашей головой, мы будем твердо знать, что советская граница есть тот окоп, дальше которого контр-революция пойти не может. В этом окопе сидим мы,—авангард советской России,—коммунистическая партия, и мы этот окоп нерушимо и неизбежно сохраним до того дня, когда подоспел европейская революция и над всей Европой взвоется знамя Союзной Советской Европейской Республики, как пред верше республики всего мира. (Продолжительные и бурные аплодисменты).

Голоса: Да здравствует вождь красной армии, тов. Троцкий!
Да здравствует тов. Ленин!

1p. 50m.

